

Сергей НАХОДКА

г. Санкт-Петербург

Ч
А
У
У
Р
А
У
Р

рассказ

ИЗ ЦИКЛА «ВРЕМЯ РАДУГИ»

У всех были братья. Кое у кого — сёстры, хотя это уже и не так важно. И, конечно же, у всех были отцы. У него, у Андрюхи, отца не было. Зато была замечательная мама, красивая и весёлая. Её любили все и во дворе, и на работе. Ещё у Андрюхи была бабушка. И пусть во дворе её не все любили, говорили, что у неё тяжёлый характер, но на работе уважал каждый, а кое-кто даже побаивался! Прасковья Фастовна работала уборщицей, или, как она говорила, техничкой, и не было ничего такого, чего бы она не знала и не имела бы на то своего мнения. Все её звали бабой Пашей и всегда слушали, хотя и не всегда слушались. Андрюха очень любил свою бабушку. Даже больше, чем маму, хотя и маму он тоже очень любил. А ещё Андрюха любил собак, ну просто очень-очень любил! Только чужих или уличных. Своей собаки у Андрюхи не было, как не было брата, отца, велосипеда...

Впрочем, Андрюха нечасто об этом думал — ему было просто некогда. В свои десять лет он уже прочёл много книг. Начал читать в шесть лет, за что во дворе его уважали, за это же и дразнили, а иногда даже и колотили, чтоб не «умничал». Вот и сейчас, сидя в «деревяшке» (в деревянной беседке, что стояла посреди двора) и отставив свою точку зрения, Андрюха кожей чувал, что в этот раз он точно «схлопочет». И всё за то, что его будто кто «за язык тянет» — так говорила его бабуля, а она много чего в жизни повидала...

— Ты чё гонишь, Колобок, больно-сильно умный? Где такая собака чау-чау и ещё с фиолетовым языком?

Речик, Санька Речников, лениво сполз с деревянной скамейки и устался на Андрюху своими блеклыми, широко расставленными рыбьими глазами. Санька был не по годам крупным, хулиганистым мальчишкой, жил на Шанхайской слободке и уже курил, как, впрочем, и все «поцики»¹ их округи. Бабушка называла его «расхлябанным хулиганом-двоечником». Речик в каждой компании был разным. Когда он приходил к Анд-

¹ Поцик — от слова «пацан». Так называли мальчишки друг друга, а именно: пацаны, поцики, поцеры.

рюхе в гости списывать уроки или поиграть в пластилиновых человечков, это был глуповатый и безобидный увалень, слушавший Андрюху большими ушами, круглыми глазами и открытым ртом. Но сейчас в их компании, в «деревяшке», был Воробей, младший, пятый брат из семьи Марчуков. Речик всем видом хотел показать, что он знать не знает этого умника — Колобка, и даже ему не одноклассник.

— Да! — подхватил Витька-Шакал, — язык у неё фиолетовый, а задница красная, как у макаки!

И все весело заржали, задрыгали ногами, зарорали от восторга, от желания поиздеваться и поёрничать над Колобком.

Этот Витька, из свиты младшего Марчука, недаром имел кличку Шакал. Редкий тип, вечно заглядывающий в глаза Воробью снизу вверх, семенящий перед ним и всегда готовый услужить. Он был выше Пашки-пятиклашки на голову и шире в плечах. Учился Витька в седьмом классе, но вечно крутился с Пашкой и сходство с шакалом из мультика «Маугли» имел абсолютное.

Андрюха насупился.

— Да, фиолетовый язык... сама рыжая, а порода называется чау-чау.

И вдруг его прорвало: — Сам ты Шакал с красной задницей!

Тишина! Пауза без времени, как прыжок с вышки в бассейн, куда ходил Андрюха, и хохот, дикий хохот всех, но теперь уже над Шакалом.

— Ты чо, совсем оборзел? — Витька явно растерялся, но первым не лез, смотрел по сторонам и искал взглядом Воробья. Пашка сначала смеялся со всеми, но вдруг как-то съёжился и недобро посмотрел на Андрюху. Сейчас он очень походил на своего старшего брата Генку Марчука, только золотых зубов не хватало. Золотые зубы появились у Генки после очередного срока за угон мотоцикла. Пашка понял, что слова эти не только к его сявке — Шакалу относятся. Они подрывали и его авторитет, а значит, и авторитет всего братства Марчуков.

— Чё-то я не понял, Витёк, как он тебя назвал? — нарушил зловещую тишину Воробей, сплюнув сквозь зубы и проведя языком по несуществующим фиксам. Витьком он Шакала

никогда не называл, но сейчас, видимо, как раз был тот случай. Витек сразу как-то выпрямился, глаза его заблестели. Злость перекосила его лицо, и, боком соскочив со скамейки, он так же, боком, двинулся на Андрюху!

— Спокойно, Шакал, не здесь! — властно скомандовал Пашка.

— Айда на пустырь!

Только теперь Андрюха понял, что дело серьёзное и его, конечно же, «отметелят», тем более все знали, что Андрюха драться не любил. То есть смотря как... Если на шпагах, на мечях, когда играли в рыцарей или мушкетёров, это пожалуйста. Тут мало кто мог сравниться с Андрюхой. Внимательно читая книги, он скрупулёзно подмечал всё, что касается приёмов боя. Он часто представлял себя лихим пиратом Карибского моря, и если не самим капитаном Бладом или Дрейком, то уж точно их первым помощником. Ни один фильм про индейцев он не пропустил, но вот драться... Никому не доверял Андрюха своей тайны, а дело-то было вот в чём. При драке надо было бить не «понарошку», а Андрюхе было просто жалко своих противников. Ну, не мог он человека бить по лицу, не мог, и всё!

События развивались стремительно! Вся малолетняя компания мигом снялась с «деревяшки» и настроилась идти на пустырь — место, где годами происходили все драки. Это была гладиаторская арена, отгороженная от мира забором заброшенной стройки, затенённая старыми акациями. И там уже никто не разнимет, там нужно стоять до «кровянки», по-настоящему!

Андрюха будто прирос к лавочке. А как всё хорошо шло! Сидели с пацанами из своего дома спокойно, никого не трогали. И надо же было проходить мимо Речiku и Пашке с Шакалом.

Все смотрели на Андрюху. Вовка-Лукич с братом, Лисин и Лёнька-Китаец — вопросительно, Пашка и Шакал — насмешливо. Санька-Речик ехидно промямлил:

— Ну, чё, Колобок, струхнул?

А Андрюха смотрел на Витьку. Тот драться не хотел — это факт. И чем дольше оставался на месте Андрюха, тем больше радости было в больших (девчоночьих!) Витькиных глазах.

Как же! Он побеждает без драки! Но это явно не устраивало Пашку. Воробей драться любил. И, надо отдать ему должное, делал это умело и жёстко! Кулаки его маленьких рук в драке оказывались на удивление весомыми и мелькали так быстро, как мельничные крылья. Он, как оса, крутился вокруг соперника и колотил его, пока тот не падал на землю или не убежал. Он не боялся никого, даже своих братьев. А уж про местных пацанов и говорить нечего, задирали даже десятиклассников! Хотя, скорее всего, те боялись не самого Воробья, а его братанов.

— Давай, Колобок, сделай Шакала! — негромко сказал Пашка. — Ты же не врешь? И такая собака действительно есть, докажи!

Андрюха заставил себя встать со скамейки. Глупее ничего не придумаешь. У него был журнал, и там были породы собак, и там была чау-чау — собака китайских императоров с фиолетовым языком. Но он знал, что лучше умереть. И дело уже не в собаке. Завтра об этом узнает вся школа: Колобок струсил. Нет! Он будет драться, именно сегодня и именно с Шакалом. И он постарается не бить его по лицу... Очень постарается.

Ватага проследовала через двор с палисадником, просочилась сквозь сараи — дровяники, и подошла к забору, сплошь заросшему высокой травой. Вот и дыра в заборе, вот и пустырь... — всё! Назад дороги нет!

На пустыре компания разделилась на два лагеря. Справа встал Шакал, за ним — Пашка. Слева — Андрюха, за ним — Вовка-Лукич, его брат, Лёнька-Китаец и Лисин. А Речик сначала приблизился к Пашке, затем к Андрюхе и, виновато посмотрев на него, вообще отошел в сторону — ну точь-в-точь как рефери на ринге или как секундант на дуэли...

Андрюха не боялся Шакала, но, испытывая к нему двойственное чувство жалости и безразличности, он отчаянно не хотел драться. Вот Витька согнулся, выставил руки и бросился на Андрюху. И тут что-то случилось с пространством! Странно запульсировало в висках: «Зу-зу-зу-зу...» Всё будто бы расширилось, и Витька оказался далеко. Почему-то он приближался очень медленно, как в невесомости или во сне. Андрюха вдруг отчётливо увидел лицо

Витьки. Как в какую-то трубу, только лицо. Витька, по-видимому, что-то кричал, но Андрюха не слышал его. Шум моря заглушал его крики! Шум моря и шум морского боя! Рывкали бортовые медные пушки! Скрипели старые ванты, с грохотом упала мачта, лопался от картечи просоленный фальшборт! На абордаж! И рядом был он! Его командир — капитан Блад! Андрюха сжал кулаки. В правой руке — шпага, в левой — кортик! На абордаж! А-а-а-а! Пушки! Огня! Не дрейфь! А-а-а!!!

Что-то кричал Лёнька-Китаец. Близко-близко в лицо... И держал его за руки. И Лукич тоже. И даже Речик. Все его держали, а он стоял и не мог понять, куда девалось море? На земле корчился Шакал, а над ним стоял удивлённый и испуганный Воробей. Он внимательно вглядывался в лицо Андрюхи. Все потихоньку успокоились... И Андрюхе вдруг стало жаль Шакала. Ведь у него тоже не было брата и отца. Стало жаль бабушку, у которой от тяжёлой работы скрючило на руках пальцы. Стало почему-то невыносимо жаль Воробья, который не читал про удивительную собаку чау-чау с фиолетовым языком. И вообще стало вдруг как-то перчёно в носу. Андрюха сел на землю и горько заплакал.

Все молчали. Шакал стал подниматься. А когда успокоившийся Андрюха хотел ему помочь, тот как-то странно посмотрел на него и отпрянул в сторону, буркнув под нос: «Ну, ты даешь!»

До двора дошли все вместе, а до подъезда его провожали, как ни странно, Пашка и Речик. Витька шел сзади и шмыгал носом. И, уже заворачивая к себе в подъезд, Андрюха услышал голос Пашки-Воробья:

— Ты, это, слышь, Колобок. ...Андрюха. ...принеси завтра в школу тот журнал, ну где эта рыжая собака чау-чау с фиолетовым языком. Если не врешь, конечно, если такая и правда есть?..

И уже издалека, в синих сумерках ранней осени, до него донеслось:

— Слышь, Андрюха! А кто такой капитан Блад?

ПЛАСТИЛИНОВЫЕ ВОЙНЫ

Вдверь звонили и стучали одновременно! Лисин Юрка с первого этажа жил прямо под Андрюхой и часто приходил к нему поиграть или просто поговорить за жизнь. Мамы Андрюхи и Юрки были подругами, и поэтому Юрка часто обедал у Андрюхи, как, впрочем, и Андрюха у Юрки. У Юрки был старший брат Виктор. Это был уже большой парень. Он гонял на мотоцикле «Восход» и возил на нём ужасно красивых студенток из соседней общаги сельхозинститута. Девчонки всегда были весёлые и угощали младшего Лисику всякими вкусностями, а он, конечно же, делился своими трофеями... А вообще, дело не в этом, и не об этом пойдёт речь. Короче. Андрюхина мать

ещё была на работе, Юркина — на второй смене, бабуля как раз уехала к тётке Наде в Новосибирск — она туда ездила раз в год — словом, воля вольная! Целая квартира была в распоряжении!

А наши герои очень любили побыть только вдвоем, и вот почему. Огромный пластилиновый мир ждал их с нетерпением. Чего только не лепил Андрюха из матовых брусочков пластилина! Игрушек у него не было с детства. Нет, мама и бабушка обязательно бы купили всё, что смогли, но Андрюхе нужен был только пластилин. Старую машину при помощи этого удивительного материала Андрюха превратил в броневик! У него открывались двери из спичечных коробков, пластилиновые танкисты вставлялись в специальные люки, а пушка из нитяной катушки стреляла пластилиновыми ядрами! А ещё была целая армия фашистов на мотоциклетах с колёсами из маминых пуговиц и пулемётами на колясках. Автоматчики числом в сто человек охраняли комендатуру с пластилиновым штурмбанфюрером². На аэродроме из разлитого ватмана базировалась эскадрилья из пяти «мессершмиттов»³, которую тоже охранял взвод автоматчиков и четыре пулеметных дота⁴. Если слепить весь пластилин в большой шар, получился бы футбольный мяч! Вот сколько пластилина было у Андрюхи! Когда приходили новые журналы «Техника

² Штурмбанфюрер — воинское звание старшего офицера войск СС в фашистской Германии. Соответствует общевойсковому майору.

³ Мессершмитт (или «мессер») — основной боевой самолёт фашистской Германии во Второй мировой войне. В данном случае это мессершмитт BF 110, истребитель-бомбардировщик.

⁴ Дот — долговременная оборонительная точка. Бетонный бункер, приспособленный для стрельбы из пулемёта или пушки.

молодёжи», в них была историческая серия всевозможного оружия Второй мировой войны. Там были самолёты и танки воевавших армий. Вот их-то и лепил Андрюха из пластилина. Пацаны занимали очередь загодя. Ждали, когда получится очередная танкетка или истребитель, и потом вся орава, отчаянно воя и стреляя из воображаемых пулемётов, самозабвенно носилась по двору, держа самолёты высоко над головой. Одни взрывали мосты и бомбили склады, другие прокладывали танкам дороги собственными коленями и школьными штанами, которые — о горе мамкам и бабушкам! — они снова забывали переодеть!

Но вот к Андрюхе в гости попали не все. Только лучшие друзья устаивались такой чести — играть в партизанов у Андрюхи дома. Непременным условием этих игр были фигурки самих ребят, вылепленные из пластилина. Они сами были этими отважными бойцами, которые захватывали комендатуры, угоняли самолёты с секретных фашистских аэродромов, метко косили врагов очередями из пластилиновых автоматов и, конечно же, становились героями Советского Союза. Именно такая игра ожидала и сегодня мальчиков.

Такая да не такая! Они готовились к ней долго, недели три, и вот сегодня Лисик должен принести последнюю партию спичечных коробков (ну, конечно же, не горелых) чтобы завершить минирование объектов — не дать врагу уйти от возмездия!

— Ну что, принес? — Андрюха вопросительно посмотрел на Юрку и понял, что так сиять может лицо только у совершенно счастливого человека.

— Мужик один купил целых десять коробков! — шёпотом завопил Лисик. — Этот мужик часто возле «магазика» ошивается. Ну, ты знаешь Оки-доки, — с этими словами Юрка вывалил целое богатство на кухонный стол.

Один, два, пять, десять! Да, вот это я понимаю.

Конечно, Андрюха знал, что «Оки-доки!» — любимая присказка безногого ветерана — фронтовика, сапожника дяди Максима. На вопрос: «Как жизнь?» — он всегда отвечал: «Оки-доки!», что на его языке, видимо, означало «Всё хорошо!». Так его и прозвали — «Оки-доки». Ноги дядя Максим потерял на Отечественной войне, про которую он часто вспоминал. Но рассказывал он

пацанам в основном про весёлые случаи. Его послушать, так война — сплошные развлечения да веселье. Как ноги потерял, не говорил, но только мы узнали об этом от тётки Дуси, его жены. Просидел он на морозе в пулемётном гнезде двое суток, всё стрелял. Ноги были осколками перебиты. А когда санитары его подобрали, уже гангрена началась. Словом, пришёл с войны без ног, колясочку на подшипниках смастерил, в руки две каталочки, профессию освоил — сапожник, и всё — «Оки-доки»!

Голос у него был громкий и густой, в компаниях выделялся, особенно когда дядя Максим пел. А пел он здорово! Когда же пьяный где-нибудь засыпал, мы его катили домой все вместе на этой колясочке. Очень мы его любили, этого Оки-доки.

Вот этот дядя Максим и научил нас делать взрывпакеты. Да и из спичек тоже всякие шумихи мастерить научил, словом, свой был мужик.

Но в этот раз Андрюха решил использовать свою систему. Должен был произойти подрыв всей вражеской территории. А тому, что эта самая вражеская территория располагалась в кухне у Андрюхи, особого значения не придавалось. Подумаешь! Ну что, в самом деле, если будет немного дыма? Проветрим, да и всё! Мама и не заметит... Эх, Андрюха, нам ли жить в печали?!

Но давайте по порядку.

Короче, всё было готово, и друзья принялись соскабливать спичечную серу со спичек в фольгу. Потом из фольги делались маленькие конфетки, начиненные этой серой, конфетки эти замуровывались в мотоциклы, самолеты, блиндажи, в пластилиновых врагов! Специально были оставлены отверстия для поджига. Словом, вся пластилиновая фашистская армия была обречена! А как же! Скоро 9 Мая. И в этот день война должна была закончиться победой наших!

— А «капалка» не растечётся? — Лисик явно нервничал.

«Капалкой» называлась капроновая часть какой-нибудь пластмассовой игрушки, которая после поджигания капала горячей бомбочкой, с характерным звуком падая на цель.

— Нормальная! Это ещё та, что Лукич на пустырь приносил. Я тогда все не сжег, оставил, — Андрюха показал на капронового зайца без уха.

Да, этот Вовка Лукьянов знал толк в «капалках». Юрка одобрительно покачал головой.

— Ты знаешь, — Лисик перешел на шепот, хотя они и были дома одни, — тут один пацан с Егориной улицы говорил, что может стырить китобойного пороху, настоящего! И целый заряд!

— Если это Петька сопливый, то врёт, — убеждённо заявил Андрюха, хотя уже сердцем ёкнул, а вдруг точно?

— Да нет, это Слива из пятого дома, мы с ним вчера в поликлинику вместе ходили, вот он и сказал мне, что есть место, где можно достать целый заряд!

— Ну, если только Слива, — пробормотал Андрюха, осторожно залепля пластилином очередную конфетку на мотоциклетку. — Слива, этот может, он такой...

Этот Слива был странным парнем. Никто не знал, где он учится, да и учится ли вообще. Ходил он всегда один. Приходил к Андрюхе во двор обычно вечером, когда мальчишки гурьбой сидели где-нибудь в укромном месте. Там курили и ругались, как взрослые, или слушали очередную Андрюхину историю про пиратов или про космические открытия. Сидел обычно тихо, слушал. А так его прозвали потому, что как-то в прошлую осень он спер где-то целый ящик слив и принёс его всей компании! Пацаны слив обьелись, а его, должно быть в благодарность, так и прозвали — Слива.

— Вот и я говорю... — Юрка, когда волновался, то начинал заикаться и глотать слова. — С-с-с-лива ещё тот, я сразу ему сказал, с пацанами поговорю, если чё, тащи.

Юрка поставил осторожно автоматчика на вышку — всё!

Андрюха и Лисик оглянулись вокруг! Вот это была картина! Посреди кухни располагался вражеский штаб...

Вражеский штаб по периметру охраняла рота автоматчиков. Вышки на аэродроме ошетились пулемётами, и казалось, оттуда доносится вечно фашистское, писклявое на гармошечке губной: «Тааа — тататата-та-та — та-та-та», короче, «Августин»⁵. Не знали враги, как близка их гибель! Вот они, уже рядом, ползут, разрезая незаметно колючую проволоку аэродромных заграждений. Вот и ложбинка... нагнись, друг! Прожектор с вышки выхватил ближайшие кус-

ты, задержался на минутку и заскользил дальше, ощущая пространство яркими чувствительными пальцами! Терпение, только бы не выдать себя! Ползком вперед! Вперед короткими перебежками...

Пацаны сопели и елозили по полу кухни, они были там, на войне, и мстили сейчас за дядю Оки-доки, за его отрезанные ноги, за пьяные, горькие его слёзы, за всех наших. План был дерзок и прост: пробраться на аэродром, захватить самолёт, взлететь на нём и уже оттуда, из тёмного неба, поразить всех врагов, улететь на трофейном «мессере» к нашим за наградами и за славой военной!

Юрка был справа, его скрывала высокая трава, что росла вблизи аэродрома, и его движение она всё-таки выдавала. Вот он остановился и посмотрел на Андрюху. Андрюха кивком головы указал на вышку, которая была как раз на пути к ближайшему самолёту. Юрка всё понял и пополз в обход. Часового на вышке он взял на себя. Андрюха видел, как он осторожно приближается, скрываясь за пригорком. Приготовился, чуть привстал... Бросок! Нож вошел по самую рукоятку в горло врагу! Вперед к самолёту! Ребята с двух сторон побежали к машине. Она была недавно заправлена, они сами видели это. Фашисты, видимо, готовили её к полётам. Ну что ж, сейчас полетают, гады! Андрюха перекинул автомат за спину, чтобы не мешал, и вскочил на крыло со свастикой, рывком распахнул лючки⁶ фонаря кабины, и вот — он внутри! Сзади тяжело пыхтел Юрка, проверяя пулемёт. Когда он залез в кабину, Андрюха даже не заметил. А вот на аэродроме их заметили! Завыла сирена. Металлическим голосом заорали репродукторы. Тяжело загрохотали кованые сапожищи солдат по железу взлётной полосы... Зажигание! Есть контакт! Мотор взревел, и, набирая скорость, «мессер» с мальчишками рванул на взлет. Вдогонку неслась лающая немецкая речь.

— Ругаются, сволочи! — весело заорал мне в шлемофон Юрка. — Полный газ! Есть отрыв! Только взлетать высоко нельзя, собьют!

⁵ «Августин» — баварская народная мелодия, которую нередко исполняют на губной гармонике.

⁶ Лючки — специальное открывающееся окошечко для посадки пилота в кабину.

Андрюха, заложив машину в крутой вираж, полетел над аэродромом!

– Смотри! Крысы забегали!

Лётчики бежали к оставшимся на поле самолётам.

– Не дать взлететь! Боевой разворот и огонь! Огонь! Огонь!!!

Бомбы с шипением упали на первые цели! Взрывы звучали непрерывно! Уже горел штаб! Все самолёты были уничтожены! Натe, получайте! За родину! Взорван склад горючего, это от него такой ядовитый дым! Ничего не видно из-за дыма!

– Андрюха, уходим! Всё кончено! – восторженно орал Юрка. – Газ и штурвал на себя! Уходим на восток!

Вот самолёт пробил корпусом дым, тучи и вырвался в чистое небо!

Оторвались! Домой! Ура!..

Первое, что увидел Андрюха в чистом небе, было лицо мамы. Она смотрела на войну через кухонную дверь и, видимо, стояла тут уже некоторое время. Распахнулась дверь.

– Это что, это как?! Что вы делаете, изверги?!

Отчаянно кашляя, мама ворвалась на кухню через дым и военные пожарища!

Андрюха и Юрка стояли чумазые и обгорелые. На полу тлели остатки вражеских позиций. И всё, ну решительно всё, включая стены, кастрюли и даже лампочки в люстре, было забрызгано горячим пластилином!

Да, ребята, вы попали!

Первое, что сделала мама, конечно же, выпорола их обоих. Хорошенько. Причём Андрюхе досталось больше. Потом прибежала Юркина мать и тоже всыпала ремнем героям Советского Союза. В этот раз больше досталось Юрке. Потом, шмыгая носами и препираясь, мальчишки отскребали, оттирали пластилин до последнего пятнышка, потом... А дальше уже не очень интересно. Был домашний арест и прочая ерунда... Ну, вы меня понимаете? Впрочем, как говорят в таких случаях, «это уже совсем другая история».

– Юрка, быстро домой! – мама звала его с нижнего этажа. – Хватит, неужели ещё не наговорились?

Андрюха и Юрка стояли на площадке и прощались за руку.

– Ну, давай, Юрок, до завтра, – вздыхал Андрюха.

– Ну, давай, Андрюха, до завтра, – вздыхал Юрка и почёсывался ниже спины.

– Вот я вам дам, до завтра! – сказала Юркина мама.

– Ага, а я добавлю! – сказала мама Андрюхи.

Мальчишки расцепили руки. Юрка поплелся к себе. И, уже спускаясь, поймал Андрюхин взгляд и всё понял! Лицо его просияло: «Оки-доки!!!»

– Оки-доки! И... и покеда!

□

Сергей НАХОДКА

(наст. имя – Сергей Катков)

родился в 1959 году.

Окончил Ленинградский государственный институт культуры.

Автор-исполнитель, актёр, режиссёр массовых праздников.

Пробует себя в литературе как прозаик,

пишет рассказы и повести.

Ранее не печатался.

Проживает в Санкт-Петербурге.

В журнале «Север» публикуется впервые.

